

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1892, № 1.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Секретаря Этнографическаго Отдѣла
Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1892.

Нѣсколько словъ о Русской Лапландіи.

(Изъ поѣздки).

Лѣто 1887 г. я провелъ вмѣстѣ съ товарищемъ моимъ В. В. Семевскимъ въ Русской Лапландіи, а именно въ западной ея части по Кольско-Кандалакскому тракту. Цѣль, которую мы преслѣдовали, была зоологическая, а потому и главными занятіями нашими были ежедневныя экскурсіи по болотамъ и лѣсамъ, въ поискахъ за представителями тамошней фауны. Сообщаясь съ мѣстными жителями, я между прочимъ задался мыслью пріобрѣсти для себя на память нѣсколько экземпляровъ лопарскихъ издѣлій. Еще въ бытность нашу въ г. Колѣ я увидѣлъ у мѣстнаго доктора г. Стафіевскаго маленькую модель лопарскихъ санокъ и миниатюрныя копіи лопарскихъ мѣховыхъ шапокъ. Съ этого началъ и я, заказавъ лопарскимъ искусникамъ кой-какія модели интересующихъ меня вещей и купивъ двѣ-три мѣховыхъ принадлежностей зимняго лопарскаго костюма. Заказъ былъ исполненъ настолько добросовѣстно, что я не удержался и продолжалъ дѣлать заказы одинъ за другимъ. Вскорѣ коллекція моя настолько пополнилась, что мысль оставить имѣвшіяся вещи себѣ смѣнилась у меня намѣреніемъ принести посильную пользу дѣлу этнографіи -- собрать и подарить возможно полную этнографическую коллекцію въ музей Русскаго Географическаго Общества, куда впослѣдствіи и была передана собранная мною коллекція. Попутно я спрашивалъ лопарей объ ихъ жизни, вѣрованіяхъ и преданіяхъ и приглядывался внимательнѣе къ тому, что встрѣчалъ. Долженъ прибавить, что успѣшное исполненіе моихъ желаній началось лишь съ тѣхъ поръ, какъ лопари

перестали чураться заѣзжихъ иноплеменниковъ, перешли съ нами на ты, и развязавшійся языкъ началъ выкладывать то, что, по свойственной лопарю недовѣрчивости и пугливости, хранилось подъ спудомъ. Добрый мѣсяцъ ушелъ именно на подобное ознакомленіе съ нами мѣстныхъ обитателей.

Результатомъ всего этого были привезенная мною изъ Лапландіи этнографическая коллекція изъ вышепомянутыхъ 65 предметовъ и кой-какія записанныя сказки и преданія. По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не могъ до сихъ поръ опубликовать свои наблюденія. Въ настоящую минуту я имѣю передъ собой вышедшій въ Москвѣ въ 1890 г. трудъ г. Харузина: „Русскіе лопари“. Трудъ этотъ, весьма обширный, заключаетъ въ себѣ прекрасный сводъ всѣхъ когда-либо совершенныхъ и записанныхъ наблюденій надъ жизнью, исторіей, экономическимъ положеніемъ и пр. лопарей вкупѣ съ съ личными наблюденіями автора. Работа эта настолько полна, и авторъ съ такимъ тщаніемъ обработалъ каждую ея главу, что сообщать цѣликомъ мои наблюденія было-бы излишнимъ повтореніемъ той или другой части помянутаго труда съ тою разницей, что мое сообщеніе, основанное на однихъ только личныхъ наблюденіяхъ, грѣшило бы краткостью изложенія. Съ другой стороны, считаю однако весь собранный мною матеріалъ не безынтереснымъ, тѣмъ болѣе, что намъ приходилось экскурсировать въ нѣсколько иной мѣстности.

Почти вся западная часть Русской Лапландіи—сплошное болото, покрытое мелкимъ и рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Оно тянется на большомъ протяженіи, прерываемое рѣками, озерами, тундрами и островками твердой мховой почвы. Прежде всего не безынтересно отмѣтить тотъ фактъ, что лопари посѣщенной нами части подъ именемъ „тундры“ понимали не все сухое, покрытое ягелемъ мѣсто, но исключительно „каменистыя горы“, и русскія слова „гора“ и „тундра“ у лопарей являлись синонимами, откуда и названія: Хибинская тундра (горы), Ювчинская тундра (горы) и пр. Вопросъ этотъ интересовалъ меня настолько, что я не обходилъ разспросами ни одного лопаря и вездѣ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. Возможно впрочемъ, что подножье горъ, сухое, и покрытое ягелемъ

и лѣсомъ, также разумѣется подь этимъ понятіемъ, но всегда въ совокупности съ горами. Самую тундру мы посѣтили съ проводникомъ лопаремъ. На твердыхъ островкахъ и грядахъ встрѣчаешь, послѣ рѣдкихъ сосенокъ, болотъ, густой и высокій боръ и еловый лѣсъ, а ближе къ рѣкамъ и озерамъ отъ хвойнаго лѣса обособляются маленькія рощицы уродливыхъ березокъ. Въ общемъ природа непривлекательна и однообразна, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ берегъ р. Нивы (Кандалухи), гдѣ съ высокаго обрыва открывается прекрасный видъ на длинную ленту рѣки, пещренную бѣлками (вслѣдствіе каменистости дна), мѣстность можетъ быть названа живописною. Нагорный берегъ рѣки покрытъ прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ, а въ двухъ шагахъ отъ обрыва вьется торная трактовая дорога.

Путь, по которому мы двигались, представляетъ собой двѣ водныя системы, раздѣляющіяся у Мосельги. Съ одной стороны, Колозеро, соединяясь продолженіемъ рѣки Колы съ озерами Пуль и Мурдъ, образуетъ одну систему съ теченіемъ въ Ледовитый океанъ; съ другой—Пелесмозеро имѣетъ водное сообщеніе съ оз. Имандрой (лоп. Аверъ-яверъ) и вмѣстѣ съ рѣкой Нивой образуетъ другую систему съ теченіемъ въ Бѣлое море.

Общій характеръ мѣстности каменистый. Въ болотахъ камень скрывается подь моховымъ покровомъ или ржавыми лужицами болотной воды. Въ лѣсу его покрываетъ тотъ же мохъ, а въ промежуткѣ между камнемъ и мхомъ большею частью находится еще слой песку. Въ рѣкахъ, озерахъ и ручьяхъ камень устилаетъ дно и въ большинствѣ случаевъ—берега. Поверхъ мха разбросаны значительной величины валуны, покрытые обыкновенно лишаями и растительными остатками. Тундра дополняетъ каменистость характера. Въ ущельяхъ ея горь скопляется нестаявшій снѣгъ, отъ таянія котораго съ горъ текутъ ручьи—весной широкіе и могучіе, лѣтомъ мирно журчащіе между каменье въ логахъ. По берегамъ такихъ ручьевъ видна масса слѣдовъ оленей, вокругъ группируется вся скудная растительность. У предгорій тундры встрѣчаешь почти всю растительность Лапландіи; по мѣрѣ углубленія въ горы крупныя представители флоры, ель и сосна, исчезаютъ, остаются только мелкіе кус-

тарники и травы. Съ поднятіемъ выше растительность бѣд-
вѣтъ какъ числомъ особей, такъ и количествомъ видовъ.
Послѣднимъ остается мохъ, а вершины являются уже голыми,
съ рѣдкими лишайниками. Большею частью тундру окуты-
ваетъ густой туманъ, скрывающій ее отъ глазъ наблюдателя.
Въ ясный день это пепельные, правильные холмы, рѣзко вы-
дѣляющіеся изъ пояса окружающаго лѣса.

Зимой путь отъ Колы до Кандалакши совершается на
оленяхъ въ верткихъ, уютныхъ болкахъ (санки - лодочка).
Зимній трактъ для удобства тянется обыкновенно по озерамъ
и рѣкамъ. Лѣтомъ путь совершается на карбасахъ, по тѣмъ
же озерамъ и рѣкамъ, а отъ озера къ озеру, благодаря не-
возможности проѣхать пороги лодкой, приходится дѣлать пѣ-
шіе переходы по тайболамъ, иногда 7—18 верстъ длиной.
По болотамъ и топамъ настланы мостки, шириной аршина 2,
тянущіеся подчасъ на значительныя разстоянія. Тайболой
же лопари называютъ лѣсъ, имѣя въ виду исключительно
тѣ тропы, которыми изобилуетъ Лапландія, особенно въ
своихъ лѣсистыхъ частяхъ, гдѣ чаще и бѣгаетъ олень (про-
кладывая дорожки), спасаясь отъ своего исконнаго врага—
комара.

Съ другой стороны, подъ именемъ „тайболы“ мѣстные лопари
подразумѣвали исключительно „тропу“, будетъ ли она про-
ложена звѣремъ (преимущественно оленемъ), человѣкомъ, или
лвится природной тропинкой. Лѣсъ въ обширномъ смыслѣ
назывался лопарями „сузѣмкомъ“, но не „тайболой“, какъ пи-
шетъ, сколько мнѣ помнится, г. Плеске въ своемъ трудѣ о
фаунѣ Кольскаго полуострова.

Лѣтній трактъ тянется извилистой лентой черезъ болота,
холмы и лѣса. Для сокращенія пути въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,
вмѣсто обхода возвышенности, идетъ узенькая тропинка
переваломъ по прямой линіи. Зимой же лопарь предпочи-
таетъ ровную дорогу косогорамъ и объѣзжаетъ по возмож-
ности всѣ неровности, почему и зимникъ (зимній путь) идетъ
нѣсколько въ сторону.

Къ сожалѣнію, неудобства лѣтняго путешествія по Лапландіи
не устранимы по причинѣ рельефа мѣстности. Да и нѣтъ жи-
вотнаго, которое способствовало бы скорому передвиженію въ

Лапландіи лѣтомъ. Олень, служащій великую службу лопарямъ зимою, лѣтомъ не былъ бы въ состояніи ходить въ упряжкѣ, во-первыхъ, потому, что къ лѣту кожа его, линяя, дѣлается нѣжнѣе и самъ онъ слабѣетъ, во-вторыхъ, благодаря той комарной порѣ, когда онъ только въ вольномъ бѣганіи и купаніи находитъ спасеніе отъ комаровъ. Лошади совершаютъ небольшіе переѣзды изъ Кандалакши по сторонамъ, въ другихъ мѣстахъ Лапландіи ихъ держатъ рѣдко. Югъ Лапландіи и побережье Бѣлаго моря еще имѣетъ почву, способную къ произрастанію сѣна настолько, чтобы прокормить нѣсколькихъ лошадей; чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ болѣе количество его уменьшается, и лопари накашиваютъ сѣна очень немного, настолько, чтобы прокормить нѣсколько головъ овецъ. Кромѣ того акклиматизація лошади въ этой мѣстности весьма сомнительна, и большимъ препятствіемъ къ этому можетъ послужить губительная комарная пора. Такимъ образомъ существующій въ настоящее время способъ передвиженія является единственно возможнымъ.

Станціи по тракту снимаются на торгахъ. Кто за меньшую сумму согласится держать ее, тому она и передается. На обязанности содержателя лежитъ имѣть зимою постоянныя закладки оленей и около 4-хъ работниковъ, лѣтомъ—таковое же число работниковъ и по нѣскольку карбасовъ на озерахъ и рѣкахъ. Станціи, ближайшія къ крайнимъ пунктамъ пути—Колѣ и Кандалакшѣ, снимаются обыкновенно мѣстными купцами; внутреннія содержатся или нѣсколькими лопарями на паяхъ, или же однимъ болѣе зажиточнымъ. Надсмотръ за „казенными избами“ (для проѣзжающихъ) лежитъ на одномъ изъ ямщиковъ или сдается частному лопарю. Получая 12 р. въ годъ, надсмотрщикъ обязуется привезти на зиму 12 возовъ дровъ и наблюдать за исправностью ввѣренной ему избы. Деньги обыкновенно получаютъ исправно, чего нельзя сказать объ исполненіи обязанностей блюстителя. Въ лѣтнихъ ямщикахъ служатъ и лопари, и лопарки. Въ ямщики нанимаются большею частью старики, по причинѣ ничтожной платы, за которую соглашается итти рѣдкій молодой лопарь, старики же и бабы рады и этой работѣ.

Такимъ образомъ за грошовое жалованье возятъ подобныя

ямщики верстѣ 35—50 на лодкахъ, а по тайболамъ несутъ вещи. Однимъ изъ нашихъ ямщиковъ на Закостровской станціи была баба съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Въ промежутокъ между греблей она кормила своего младенца. Подобныя путешествія она совершала не разъ и, повидимому, успѣла привыкнуть, но на человѣка, впервые видящаго такой примѣръ, это производитъ странное впечатлѣніе. Зимой лопарки уже не служатъ, и на станціяхъ одни ямщики-мужчины. Случится пріѣхать кому-нибудь изъ проѣзжихъ, его закупориваютъ въ одномѣстный теплый болокъ, а вещи размѣщаютъ по другимъ санкамъ. Впереди ѣдетъ ямщикъ въ открытыхъ санкахъ, запряженныхъ парю оленей, за санями бѣгутъ другіе олени, запряженные въ болки, и весь кортежъ гусемъ движется по торной дорогѣ зимника. У каждаго болка въ спинкѣ ввинчено кольцо, къ которому привязывается олень. Дѣлается это для того, чтобы валкій болокъ не раскатывался. Лѣтомъ проѣзжему приходится испытывать уже всѣ прелести путешествія „пѣшкомъ за прогоны“, надъ которымъ такъ ехидно подтруниваютъ коляне и кандалакшане**).

Зимой лопари живутъ въ погостахъ, расположенныхъ на берегу озеръ и даже на болотахъ, какъ Разноволоцкій. Избы ставятся безъ особеннаго порядка. Лѣтомъ въ нихъ складываются болки и сани. Въ каждой избѣ (пыртъ) живетъ семья лопаря. Болѣе зажиточные имѣютъ у себя работника-лопина, которому обыкновенно или ничего не платятъ, или платятъ очень мало. Послѣдній, кажется, вполне довольствуется одеждой и пищей. Обязанности такого батрака состоятъ въ наблюденіи надъ оленями хозяина и въ исполненіи различныхъ домашнихъ работъ. Богатый лопарь и для себя, и для жены имѣетъ „чапорный пechoкъ“ (чепръ пiедкѣ), одежду изъ шкуры молодыхъ оленей (чапоръ), и бѣлые „яры“ (сапоги изъ бѣлой шкуры оленьихъ ногъ съ подошвой изъ лобной шкурки). Чѣмъ зажиточнѣе лопарь, тѣмъ больше найдется у него отдѣлки сукномъ и бисеромъ на той или другой принадлежно-

*) Лѣтомъ, когда сообщеніе въ Лапландіи производится на лодкахъ и пѣшкомъ, проѣзжему (въ особенности безъ багажа) приходится платить прогоны за каждую проходящую имъ версту.

сти незатѣйливаго туалета. При вышивкѣ бисеромъ иныя лопарки выказываютъ нѣкоторое искусство и фантазію, нерѣдко съ большимъ изяществомъ. Нѣсколько образцовъ приведены въ работѣ г. Харузина. Обшлагн и воротники зимнихъ одеждъ, по преимуществу женскихъ, а также и женскіе кондохаты (сапожки) обшиваются сукномъ, при чемъ сукно вшивается въ швы. Если богатый лопарь собирается въ гости въ сосѣдній погость, то оленей и упряжь ¹⁾ также убираютъ различными бисерными и суконными украшеніями, а черезъ спину оленя перекидывается широкая полосатая суконная левта. Лѣтняя одежда, за исключеніемъ юпы (суконная рубаха, одѣваемая въ рукава, употребляемая при рыбной ловлѣ и на промыслахъ), вязаннаго колпака, носимаго лопаремъ лѣтомъ, да канегъ (лѣтняя обувь), чисто русскаго происхожденія и шьется на русскій покрой.

Весенняя жизнь лопарей наступаетъ съ того времени, когда они начинаютъ разѣзжаться по вѣжамъ (лѣтніе сколоченные шалаши). Владѣющій избой надѣляется отъ казны ежегодно семью деревьями на постройку керѣжъ (лодочка болка) или карбаса и извѣстнымъ количествомъ кольевъ на постройку вѣжи. Неимѣющій избы лишенъ этого права. Такой лопарь живетъ обыкновенно въ работникахъ или у своего же брата лопаря или у русскихъ. Подобное распоряженіе, если оно дѣйствительно, едвали можно назвать справедливымъ. Зимняя одежда прячется по амбарамъ, а взамѣнъ ее вытаскиваются невода, сѣтки и пр. рыбачьи принадлежности. Лопарь собирается со всей семьей съ собаками и, если есть, овцами и ѣдетъ на отведенное ему мѣромъ озеро въ свою прошлогоднюю вѣжу. Если послѣдняя плоха, то изъ дарованныхъ казною кольевъ строится новая.

Лопарская жизнь не лишена различнаго рода ссоръ и интригъ. Причины къ раздору лопарю найти нетрудно. Развившееся съ давнихъ временъ ²⁾ воровство, переклеймованіе и убиваніе чужихъ оленей, должно несомнѣнно являться одной

¹⁾ Оленья узда „панча“, надѣваемая на рога, также изукрашивается.

²⁾ Считаю возможнымъ заключать объ этомъ на основаніи видѣнныхъ и слышанныхъ фактовъ.

изъ главныхъ причинъ ссоръ. Такъ какъ жаловаться на лопаря, заклеившаго или убившаго чужого кормоваго оленя, некому, то обиженный естественно мститъ тѣмъ же. Нѣкоторые и почти всѣ лопари строятъ въ непоказанное время изъ казеннаго лѣса карбаса, кережи или что другое. Такія верфи скрываются въ какомъ нибудь потаенномъ уголкѣ Лапландіи. Но стоустая молва злорадствующихъ соотечественниковъ приводитъ и въ эти укромные уголки полицейскихъ чиновниковъ, преисправно накладывающихъ штрафъ на провинившагося. „Око за око и зубъ за зубъ“ и, благодаря подобнымъ разоблаченіямъ, не смотря на такія цифры вѣдѣнія одного лѣсничаго, какъ 13,000,000 десятинъ, изъ которыхъ 1171459 *) десятинъ находятся подъ надзоромъ одного лѣсника, ни одна порубка не ускользаетъ отъ начальничьяго ока, и, если она была довольно крупна, виновный немедленно штрафуется. Но въ какой бы серьезной ссорѣ ни были два лопаря, никогда, какъ намъ передавали, враги не откажутъ другъ другу въ гостепріимствѣ. Въ этомъ случаѣ они напоминаютъ восточныхъ народовъ. Всѣ распри и интриги на время забываются, лишь только врагъ гостемъ переступилъ порогъ лопаря. Чай и водка, если и то и другое найдется, появляются на сцену,—лопарь радъ случаю учинить подобный пиръ,—и между заклятыми врагами начинается самая дружественная бесѣда. Стоитъ гостю уйти, лопари попрежнему враждуютъ и ни одинъ изъ нихъ не посовѣстится при случаѣ напасть на другого. Мы сами были свидѣтелями подобнаго отношенія, когда лопарь, только что любезно угощавшій вошедшаго соплеменника, по уходѣ его старался выставить его передъ нами въ самомъ скверномъ свѣтѣ.

Среди немногочисленныхъ инструментовъ, употребляемыхъ лопарями въ обиходѣ, почти единственны: топоръ, родъ рубанка для выстрагиванія внутри и снаружи, буравъ и примитивный коловоротъ, приводящійся въ движеніе помощью особаго смычка съ слабо натянутой веревкой. Встрѣчаются

*) Эту цифру лопарь-лѣсникъ лихо отчеканивалъ мнѣ, когда я сдѣлалъ ему вопросы, отвѣтъ на которые начальствомъ предписано ему зазубрить, на случай ревизіи и отчета.

и другіе инструменты, приспособленные кольскими и кандалацкими кузнецами къ работамъ лопарей.

Лопари, какъ большинство сѣверныхъ инородцевъ, весьма искусно владѣютъ ножомъ. Живо и смѣтливо дѣлаетъ лопарь своимъ неуклюжимъ оленьимъ ножомъ самыя мелкія вещи. Я сужу объ этомъ по тѣмъ хитрымъ моделькамъ (сани, амбаръ, лодка и пр.), изготовленнымъ по моему заказу, которыя сдѣлали бы честь хорошему столяру.

На дверяхъ почти каждой вѣжи и избы встрѣтишь вырѣзанный ножомъ рисунокъ, долженствующій изображать оленя,—это твореніе доморощеннаго художника. Глазь лопаря настолько привыкъ цѣнить прекрасное достоинство подобныхъ каракуль, что онъ не находитъ сходства въ болѣе или менѣе порядочномъ изображеніи того же животнаго и видитъ въ немъ все, кромѣ оленя; наоборотъ рисунокъ, вырѣзанный лопаремъ, напоминающій неуклюжія каракули 5-ти лѣтнаго ребенка, кажутся ему прекрасной копіей съ натуры. Не думаю, чтобы это дѣлалось имъ изъ патріотизма. Лопарки, не желая отставать отъ мужей, соперничаютъ въ искусствѣ вышиванія и изготовленія различныхъ берестяныхъ солонокъ, черпаковъ, скатертей и пр.

Лѣтомъ лопари большую часть времени бездѣйствуютъ и сваливаютъ веденіе всего хозяйства и трудную работу на женщинъ. Іюнь и іюль лѣта 1887 г., проведеннаго нами въ Лапландіи, были болѣе, чѣмъ когда либо, комарны. Лопари увѣряли, что они еще не помнятъ такого обилія этого насѣкомаго. Комаръ, этотъ бичъ лопаря и его оленей, царствуетъ здѣсь два лѣтнихъ мѣсяца и только съ Ильина дня идетъ на убыль. Насколько могущественно это насѣкомое въ массахъ, доказывается тѣмъ фактомъ, что одна изъ главныхъ причинъ лѣтнаго распусканія на волю кормовыхъ оленей—это именно комарная пора. По лѣсу, болоту и берегамъ рѣкъ тянутся бесчисленные тропинки—„оленьи тайболы“, по которымъ и бѣгаютъ одинъ за другимъ бѣдныя животныя, спасаясь отъ тучи нападающихъ комаровъ. Лопари пользуются этой порой для того, чтобы имѣть законную причину ничего не дѣлать. Они выходятъ изъ вѣжи только на рыбную ловлю.

Впрочемъ самая ловля не есть трудъ лопаря, такъ какъ весь трудъ почти цѣликомъ падаетъ на женщинъ.

Если приводить опредѣленіе самихъ лопарей посѣщенныхъ нами мѣстъ, то промыслы дѣлятся ими на слѣдующіе:

Олений промыселъ—мужской. Промыселъ этотъ почитается благороднымъ и бабьему уму недоступнымъ, почему, по словамъ лопарей, жонкамъ не позволяется ѣсть оленьихъ мозговъ, а нѣкоторые не позволяютъ даже бабамъ варить оленьяго мяса, а варятъ сами. Во время оленьяго промысла лопарю случается напасть на слѣдъ медвѣдя, и тогда онъ охотится за этимъ послѣднимъ. Кромѣ этихъ двухъ къ мужскому промыслу относится *зетринный* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. охота на пушнаго звѣря, а также и разнаго рода ловушки болѣе обширныхъ размѣровъ, какъ, на примѣръ, на медвѣдя и росомаху ¹⁾. Эти ловушки основаны на принципѣ придавливанія. Оленя лопари промышляютъ пищалью (кремневка) и ганчесомъ (петля—западня), въ которомъ запутывается олень головой ²⁾.

Рыбный промыселъ, по опредѣленію лопарей, промыселъ женскій, почему и горностаи, таскающій изъ амбаровъ рыбу, зовется лопарями „бабьимъ пакостникомъ“, въ отличіе отъ росомахи, которая воруетъ мясо оленя изъ подъ каменьевъ, гдѣ оно прячется, лазить за оленьими шкурами въ амбары, и потому ее лопари вкупѣ съ медвѣдемъ относятъ къ мужскимъ „пакостникамъ“. Весь трудъ лопаря въ рыбной ловлѣ исчерпывается тѣмъ, что онъ правитъ лодкой, да помогаетъ женѣ вытаскивать неводъ или опускать сѣтки. Рыбная ловля производится у лопарей различными способами. Такъ, рыба ловится: неводомъ, заборами, сѣтками, ярусами и острогами.

¹⁾ Обѣ ловушки въ моделяхъ подарены мною въ музей Географическаго Общества.

²⁾ Къ сожалѣнію, экземпляръ этой удавной петли затерянъ въ дорогѣ. Обѣ этой ловлѣ оленя говорится и у Харузина, стр. 112. При охотѣ на оленя съ пищалью лопарь, завидя оленя или стадо, подкрадывается съ подвѣтренной стороны и стрѣляетъ сажень за 40 или больше. Лопарь считаетъ удачнымъ, если убьетъ за зиму оленей 10. Мясо и шкура убитаго прячутся отъ медвѣдя и росомахи подъ большіе камни. За ними по первому снѣгу прѣзжаетъ лопарь въ санкахъ.

Считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждой ловлѣ отдѣльно. *Неводъ* *) обыкновенно плетется сажень въ 80 (маховыхъ), затѣмъ каждую зиму къ нему приплетаются по обѣ стороны нѣсколько лишнихъ сажень и неводъ ежегодно растеть. Больше 200-саженнаго невода намъ видѣть не случилось. Верхняя веревка „вичи“ плетется изъ корневища деревьевъ, поэтому въ водѣ не тонетъ и вмѣстѣ съ поплавками изъ дерева и бересты обозначаетъ мѣсто опусканія. Выѣхавъ въ озеро, лопарь завозитъ одинъ конецъ и подѣвжаетъ къ берегу и помогаетъ женѣ вытаскивать. Завезенный конецъ снабженъ длинной веревкой, которая вытаскивается первой, и тогда уже неводъ, описавъ дугу, вытаскивается за оба конца. Кто-нибудь, обыкновенно дѣти, пугаютъ рыбу палками. Чаще и завозка невода совершается женщиной. Вынутые концы постепенно складываются въ кучу на берегу. Въ ловлю вытаскиваются тони двѣ, три.

Заборы ставятся на порожистыхъ рѣчкахъ для ловли семги, кумбрь и сига. Это—огороженное частыми кольями мѣсто. Съ одной стороны его, обращенной по теченію, вставлена морда. Сигъ или семга, идя противъ теченія, забираются въ морду, оттуда въ заборъ и уже не выходятъ назадъ и вылавливаются сачкомъ. Весною, при сильномъ теченіи въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ, заборы замѣняются установленнымъ неводомъ.

Сѣтки бываютъ 10 саж. длины и около $2\frac{1}{2}$ аршинъ ширины. Скрученные спирально кусочки бересты по всему протяженію верхней веревки заставляютъ въ связи съ подвѣскомъ стоять прямо. На поверхности оставляютъ поплавокъ, отъ котораго идетъ, общая всѣмъ сѣткамъ, веревка „вичи“. Рыба ловится въ подобную сѣтку просто натываясь и запутываясь въ ячейкахъ. Въ десятисаженную сѣтку обыкновенно попадаетъ одна рыба. Ставятся сѣтки въ числѣ до 40 штукъ.

На *яруса* и *острога* ловятъ обыкновенно неимѣющіе невода, хотя и то и другое встрѣчается у зажиточныхъ. Ярусъ опускается приблизительно на 5-саженную глубину. Ярусъ—

*) Модель, за трудностью ея исполненія, добыта мною не была.

веревка, снабженная массой крючковъ, которые и наживляются и оставляютъ пустыми. Ловля острогами не требуетъ поясненія. И то и другое производится мужчинами.

Наконецъ, лопари обособляютъ еще *дѣтскій промыселъ*. Охота на птицъ, какъ-то: глухарей, куропатокъ, гусей, утокъ обыкновенно ¹⁾ производится сыномъ-подросткомъ. На этихъ охотахъ, таская повсюду тяжелую отцовскую пицаль, онъ приучаетъ себя къ перенесенію усталости, непогоды, холода и прочихъ невзгодъ, чтобы впослѣдствіи быть добрымъ помощникомъ отцу въ его серьезныхъ охотахъ. Въ другое время молодой лопарь изощряетъ свой умъ, придумывая различныя ловушки, петли и пр. на птицъ и мелкихъ звѣрьковъ ²⁾.

Шкуры оленей, медвѣдей и пушныхъ звѣрей, а также излишекъ рыбы—все это не приноситъ должной прибыли лопарю-промышлянику, и вся добыча, въ обмѣнъ на муку и сукно, уходитъ къ кулаку-купцу, наживающему черезъ то хорошія деньги.

Назначая на словахъ хорошую цѣну за ту или другую принесенную вещь, купецъ никогда не ошибается въ расчетахъ и залучаетъ въ свои руки не одного лопаря. Чтобы не быть въ накладѣ при расчетѣ, такой коммерсантъ расплачивается не деньгами, а своимъ товаромъ, который ставитъ лопарю по безбожно высокой цѣнѣ. Такимъ путемъ послѣдній не подозрѣваетъ обмана, а ловкій купецъ, наживаясь, въ то же время крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ всѣхъ окружающихъ лопарей. Особенно усердно купцы эксплуатируютъ водкой, которую, засчитывая по 80 к. за небольшую бутылку, нерѣдко сильно разбавляютъ водой. Водку встрѣченные нами лопари очень любили и при случаѣ напивались до-пьяна. Дѣйствовала она на нихъ очень быстро, что показывало не особенную къ ней привычку.

Вѣроятно, вслѣдствіе этой безсовѣстной эксплуатаціи

¹⁾ Я не говорю всегда, такъ какъ у нѣкоторыхъ лопарей мы встрѣчали пицали на „птицъ“ (птицъ) по преимуществу.

²⁾ Ловушки на глухарей ставятся взрослыми. Осенью, когда глухари слетаются на песчанья отмели, въ такихъ мѣстахъ ставятъ особые навѣсы, придавливающіе птицу въ случаѣ сдвига настороженной палочки. Модель находится въ Географ. Обществѣ.

кулаками, о которой лопари, видимо догадываются, но, въ силу обстоятельствъ, не могутъ ей противиться, и развились ихъ недоувѣрчивость и необщительность. Какъ сейчасъ помню всѣ уловки и намеки лопарей къ выпроваживанію насъ отъ себя, особенно въ первое время нашего пребыванія. Только на Имандрѣ, гдѣ мы прожили около мѣсяца, удалось намъ сблизить ихъ съ собой, благодаря простотѣ отношеній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ денежнымъ подачкамъ, а подчасъ и полному панибратству. Первые дни ни одинъ лопарь не соглашался продать мнѣ какую-нибудь вещь, отговаривался неимѣніемъ или полною ея необходимостью. Впослѣдствіи же мнѣ приходилось отказываться отъ предложенія купить приносимое.

На всѣ мои вопросы о преданіяхъ и сказкахъ лопари отговаривались незнаніемъ. Тогда мнѣ пришлось прибѣгнуть къ общему методу—выпытыванію путемъ наведенія и, рассказывая русскія былины о богатыряхъ и сказки, вызывать на взаимную откровенность. Въ лопаряхъ по сіе время еще живы преданія о нашествіи на страну ихъ различныхъ иноплеменниковъ: норвежцевъ, кореловъ и русскихъ, которыхъ въ настоящее время они соединяютъ подъ однимъ общимъ именемъ „шведовъ“ или „шишей“. Г. Харузинъ въ своемъ трудѣ отвелъ не мало мѣста разбору этихъ преданій, отнесшись къ вопросу этому съ рѣдкой добросовѣстностью; поэтому ограничусь съ своей стороны указаніямъ на то, что центромъ такихъ преданій, какъ уже указалъ г. Харузинъ ¹⁾, большею частью является героизмъ того или другого предка. Слѣдствіемъ этого и явилось такое однообразіе въ изложеніи помянутыхъ преданій.

Не менѣе серьезнаго вниманія заслуживаютъ вѣрованія лопарей въ злого духа „сейта“ ²⁾ и рассказы о немъ.

Считая себя за истинныхъ христіанъ, нося крестъ и строго соблюдая посты, лопари въ то же время свято вѣрятъ и въ существованіе чорта „сейта“. Они прекрасно знаютъ, что

¹⁾ Напримѣръ, „Русскіе Лопари“, стр. 369.

²⁾ „Сейдъ“ (Харузинъ). Въ мѣстахъ, посвященныхъ нами, „сейдъ“ значило „погость“—деревня, а чорта лопари называли „сейтъ“. Я ограничиваюсь только этими вѣрованіями, какъ единственными, записанными мною.

ихъ крестилъ препод. Трифонъ, далъ имъ посты, праздники, но далѣе исполненія этихъ постовъ и чествованія праздни-ковъ, они не идутъ: исполненіе обязанностей христіанина слѣдовательно чисто внѣшнее. Чего проще человѣку, при-выкшему добрую часть года питаться рыбой,—поститься, и любящему праздность—бездѣйствовать на праздникахъ свя-тыхъ, утѣшая себя мыслью о грѣховности въ эти дни работъ? Будучи христіаниномъ, рѣдкій изъ нихъ знаетъ, кто былъ Иисусъ Христосъ. Въ то же время жизнь въ глухой странѣ, гдѣ лѣтомъ вокругъ одной вѣжи версть на 30 отъ него нѣтъ ни одного человѣческаго жилья и гдѣ такія явленія природы, какъ громъ, молнія и вьюга не могутъ находить въ умахъ лопарей истиннаго объясненія, заставляеть ихъ чувствовать всю зависимость ихъ отъ природы, дѣлаеть ихъ суевѣрными и въ концѣ концовъ ведетъ къ прочному укрѣпленію вѣры въ существованіе какого-то высшаго, непонятнаго для нихъ духа—„сейта“.

Христіанству предстоитъ еще не мало борьбы съ этимъ вѣрованіемъ, плотно пустившимъ корни въ благодатную почву узкаго кругозора лопарскаго ума. Сейта лопарь представляетъ какъ существо невидимое, но имѣющее чудное свойство превращаться въ живое существо, на примѣръ, птицу, рыбу, звѣря и пр. Онъ живетъ, по ихъ мнѣнію, жизнью лопаря: водить оленей ¹⁾, держитъ собакъ ²⁾, строитъ вѣжи, карбаса-керѣжи и пр. Нѣкоторые лопари увѣряли, что они слышали, какъ охотился сейтъ, какъ лаяли собаки и хрустѣлъ снѣгъ подъ его кережей. По мнѣнію лопарей, сейтъ вступаетъ въ бракъ, рождается и умираеть. Такъ, на примѣръ, по ихъ наив-нымъ рассказамъ, на Выдъ-озерѣ живетъ вдова сейта съ за-мужнею дочерью. Живутъ онѣ въ высокой „похтѣ“ (скала, ущелье) со входомъ въ видѣ трещины, откуда по временамъ и вылетаютъ въ образѣ вороновъ. Такихъ мѣстъ встрѣтишь въ Лапландіи не мало; каждый камень, каждая скала, особенно причудливой формы въ видѣ вѣжи, шалаша или фигуры чело-

1) Олени сейта—всѣ дикіе олени Лапландіи.

2) Одинъ лопарь рассказывалъ, что онъ лично видѣлъ собаку сейта. Она была огромной величины и видомъ напоминала медвѣдя. Вѣроятно, это и былъ медвѣдь.

вѣка, могутъ претендовать въ глазахъ суевѣрнаго лопаря на обитаніе сейтомъ. На Пуль-озерѣ лопари умышленно пропустили одинъ изъ такихъ камней—обитель сейта, а на выше-помянутое Выдь-озеро никто не соглашался насъ проводить изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ великаго духа. Какъ бы въ подтвержденіе этого опасенія цѣлую недѣлю или надъ тундрой шелъ проливной дождь, или стояли вѣтренные, холодные дни, не позволявшіе намъ съѣхать съ Чертова острова (Сейтъ-суель или Сейтъ-суелгычъ) ¹⁾ и посѣтить тундру. Лопари объяснили это противодѣйствіемъ сейта нашему желанію побывать на Выдь-озерѣ, которое какъ разъ находится въ серединѣ Хибинской тундры. О переселеніи духа на это озеро существуетъ преданіе, которое и будетъ приведено мною ниже.

Богатство рыбою этого озера привлекаетъ сюда лопарей, но лишь только задуетъ свѣжій вѣтеръ, предсказывающій возможность непогоды, они быстро уѣзжаютъ. Рыбная ловля на Выдь-озерѣ производится зимой, такъ какъ привозимые (зимой) на лѣто для ловли карбаса къ веснѣ оказываются изломанными въ куски, по увѣренію лопарей, сердитымъ сейтомъ.

Въ одномъ мѣстѣ на берегу Чертова-озера (Сейтъ-яверъ) мѣстоположенія котораго лопари показать не хотѣли или не могли, ²⁾ по ихъ рассказамъ стоитъ каменная фигура сейта. Пріѣзжающіе ловить рыбу подносятъ передъ ловлей сейту табаку, женщины же остаются на противоположномъ берегу. Есть ли это дѣйствительно какой-нибудь давно выбитый изъ камня идолъ, или воображеніе лопарей находитъ въ камнѣ сходство съ человѣческой фигурой, игра ли это природы?—судить не берусь, такъ какъ не могъ провѣрить этого лично на мѣстѣ. Существующее преданіе помѣщено ниже ³⁾.

Нѣкоторые лопари, по мнѣнію ихъ соотечественниковъ, знакомы съ сейтомъ и ведутъ съ нимъ дружбу. Такой лопарь можетъ испортить человѣка и даже накликать ему скорую смерть. Случается, что предсказанія подобнаго колдуна не

¹⁾ Въ Бѣлой губѣ оз. Имандры.

²⁾ Чертово озеро находится вѣроятно въ тѣхъ же Хибинскихъ горахъ.

³⁾ Въ книгѣ г. Харузина есть также указанія на каменную фигуру, изображающую старика. «Русскіе Лопари», стр. 187.

исполняются, но это нисколько не уменьшаетъ вѣру въ его чародѣйство, и лопари тутъ же подыскиваютъ подходящее объясненіе, вродѣ „оматерѣнія“ колдуна. Оматерѣль, т. е. сталъ уже старъ, и сила его навѣтовъ ослабла.

Въ болѣзняхъ обращаются къ тому же колдуну ¹⁾, хотя въ настоящее время лопари предпочитаютъ при случаѣ лѣчиться у русскихъ врачей (у Кольскаго доктора).

Собирая различныя рассказы лопарей о ихъ прошломъ, я наткнулся на одно крайне оригинальное преданіе. Я услышалъ его только отъ двухъ различныхъ лопарей, поэтому пользоваться имъ слѣдуетъ съ большою осторожностью. Уг. Харузина я не нашелъ о томъ ни малѣйшаго намека. Какъ и все передаваемое лопарями, это сообщеніе отличалось неясностью, во-первыхъ потому, что дѣла былыхъ временъ всегда доходятъ до насъ въ искаженномъ видѣ, во-вторыхъ, лопари сами не могутъ похвастаться умѣлымъ изложеніемъ, особенно на русскомъ языкѣ.

По сообщенію вышеупомянутыхъ лопарей, на рѣкѣ Туломѣ въ древнее время жили какіе-то карлики, которыхъ они называли „чахлынъ“. Эти чахлынъ вели веселый образъ жизни, жили какъ лопари и обладали большими богатствами. Ихъ веселость доходила до кривлянья, кувырканья и передразниванія другъ друга. Кромѣ того, какъ гласитъ одинъ изъ рассказовъ, они обладали чуднымъ свойствомъ—неуязвимостью. Вотъ резюме двухъ записанныхъ мною рассказовъ, которые и помѣщаю ниже. Записано это было на оз. Имандрѣ, мѣстѣ наилучшей моей этнографической жатвы; было бы интереснѣе провѣрить это преданіе у лопарей, живущихъ близъ р. Туломы.

Закончу настоящую статью нѣсколькими словами о лопарскихъ пѣсняхъ.

Въ добавленіе къ тому, что говорится у Харузина, ²⁾ при-

¹⁾ Въ примѣчаніи на стр. 231 («Русскіе Лопари») Харузинъ отличаетъ «знахарей», лѣчащихъ естественными средствами, отъ «нойдовъ», прибѣгающихъ къ помощи колдовства. Въ этомъ же мѣстѣ авторомъ указывается и на возможность примѣненія этихъ наименованій къ одному лицу. Я и имѣю въ виду именно это послѣднее.

²⁾ „Русскіе Лопари“, стр. 376.

веду свои личныя впечатлѣнія. Пѣсни свои лопари поютъ визгливымъ голосомъ, преимущественно фальцетомъ. Пѣвецъ упражняется все время на двухъ или трехъ нотахъ, вскрикивая и снова затихая и сильно растягивая переливъ одной и той же ноты. Весьма удачное сравненіе этой пѣсни съ журчаньемъ ручья дано Немировичемъ-Данченко ¹⁾.

Непремѣнной принадлежностью всякаго напѣва являются различныя вставки, вродѣ „ла, ла, ла“ или „го, го, го“, которыя съ особеннымъ усердіемъ выдѣлываются лопаремъ или лопаркой слегка гортаннымъ и носовымъ акцентомъ. Каждая пѣснь ужасно растягивается, благодаря именно этимъ вставкамъ, такъ что записывать приходилось по кусочкамъ. Однажды мнѣ лично привелось слушать весьма длинную пѣснь. По окончаніи ея (пѣніе тянулось добрую четверть часа), я любопытствовалъ о содержаніи. Лопарь серьезно повторилъ мнѣ нѣсколько разъ, что пѣснь трактуеть о томъ, какъ ирвасъ (нехолощенный самецъ, въ отличіе отъ „ерчь“—олень кастрированный) видитъ стадо въ 300 важинокъ (самка) и никого къ нему не подпускаеть; вмѣсто подробностей такой темы являлись неизбѣжныя „го, го, го“ и „ла, ла“. Когда соберется кучка лопарей, она или затѣваетъ игру въ мячъ или начинаетъ пѣть излюбленныя пѣсни. Въ послѣднемъ случаѣ концертъ является весьма оригинальнымъ и въ то же время неудержимо смѣшнымъ. Одинъ или два лопаря затягиваютъ одну изъ своихъ нескончаемыхъ пѣсенъ, а другіе постепенно подхватываютъ. Вдругъ кто нибудь поймаетъ излюбленное „ла, ла, ла“, и все собравшееся общество начинаетъ взвизгивать, вскрикивать и заливаться, соперничая въ отдѣлкѣ трелей. Поютъ обыкновенно въ унисонъ. Продолженіе пѣсни откладывается до болѣе удобнаго момента, обыкновенно же совсѣмъ забывается. Героемъ подобныхъ пѣснопѣній являются или какіе нибудь лопарь или лопарка, чѣмъ либо заявившіе о своемъ существованіи, или олень или другое животное; словомъ, то, что взбредеть на умъ или оставило въ лопаряхъ какую нибудь памятку. Пребываніе г. Харузина послужило темой для пѣсенъ моссельскимъ лопарямъ,

¹⁾ „Русскіе Лопари“, стр. 376.

а наши странствованія и въ особенности мое собраніе этнографическихъ предметовъ представили благодарный матеріаль пѣснямъ лопарей оз. Имандры, въ которыхъ мнѣ суждено фигурировать подъ именемъ „Александра“, а спутнику и товарищу моему подъ полнымъ величаніемъ „Василія Васильевича“.

Всѣ слышанныя мною пѣсни, вѣроятно, новѣйшаго происхожденія. Преданія, пѣсни и сказки записаны мною на оз. Имандрѣ во время 1½ мѣсячнаго пребыванія нашего на немъ. Записаны онѣ въ послѣдніе дни, когда между лопарями и нами уже установились дружественныя отношенія. Записи эти, слѣдовательно, относятся къ западной части Русской Лапландіи ¹⁾.

Перехожу къ изложенію самыхъ записей.

1. Преданія и рассказы.

а) *О набѣгахъ шведовъ* ²⁾.

1) Сказаніе о томъ, какъ одинъ лопинъ справился съ цѣлой толпой непрошенныхъ гостей ³⁾. Это было давно, еще въ то время, когда на беззащитныхъ лопарей нападали разбойничьи шайки шведовъ. Приходили они съ первымъ льдомъ ⁴⁾, грабя все, что попадалось подъ руку, убивали лопарей, а тѣхъ, кто былъ посильнѣй, брали въ полонъ и уводили къ себѣ. Уведутъ лопина, и не увидятъ его болѣе ни друзья, ни родные. Неподалеку отъ Юкострова, на уединенномъ „кентищѣ“ (мѣсто, гдѣ ставится вѣжа) стояла лопарская вѣжа. Нѣсколько лѣтъ уже стояла она благополучно, окруженная съ одной стороны озеромъ, съ другой — густымъ лѣсомъ и болотами. Одинъ разъ только пробралась и сюда разбойничья шайка шведовъ, но сильно поплатилась за недоброе дѣло. Жили въ вѣжѣ старуха лопарка да двое взрослыхъ сыновей ея. Вышелъ разъ старшій братъ посмотреть, что дѣлаютъ олени, и завидѣлъ вдали спускавшихся съ горы шведовъ. Уговорилъ онъ мать и брата спрятаться, а самъ спокойно сталъ дожидаться незваныхъ гостей. Пришли тѣ и принялись было за грабежъ, а хитрый лопинъ какъ ни въ чемъ не бы-

¹⁾ Пользуюсь настоящимъ случаемъ выразить мою искреннюю благодарность начальнику Архангельской губерніи князю Н. М. Голицыну за любезное содѣйствіе, оказанное мнѣ и моему товарищу въ поѣздкѣ по Лапландіи. Считаю долгомъ поблагодарить и доктора М. Т. Стафѣевского за хлопоты его о насъ во время пребыванія въ г. Колѣ.

²⁾ Первые три преданія — Юкостровскія, 4-е и 5-е — Нотозерское, 6-е — Ловозерское.

³⁾ Я придерживаюсь, подлиннаго разсказа лопаря.

⁴⁾ По разсказамъ, шведы приходили обыкновенно съ первымъ льдомъ, когда онъ могъ уже держать человѣка, но встрѣчаются разсказы, что они появлялись и весной.

вало просить дорогихъ гостей съ дороги поѣсть. Подумали, подумали шведы и согласились. Взялъ лопарь большой котелъ, въ которомъ лопари неводъ красятъ, и началъ крошить туда изрубленное на куски оленье мясо. Развелъ огонь и сталъ дожидаться, когда поснѣетъ варево. Нетерпится шведамъ: голодъ даетъ себя знать. Не дождался одинъ и кинулся на непоснѣвшее еще мясо, а за нимъ и всѣ остальные. Не вытерпѣлъ и лопивъ, видя, какъ распоряжаются безцеремонно гости. Ударилъ онъ ножомъ, которымъ рѣзалъ мясо, по рукѣ перваго попавшагося шведа. Брызнула кровь изъ свѣжей раны и больше ярости придала оскорбленному хозяину. Бросился онъ съ ножомъ на шведовъ и многихъ убилъ на смерть, а которые остались въ живыхъ, убѣжали отъ угрожавшей гибели. Такъ поплатились безцеремонные шведы за свою жестокость и слѣпую увѣренность въ превосходствѣ ихъ числа. Теперь уже давно нѣтъ въ живыхъ никого изъ паселявшихъ вѣжу. Вѣжа тоже разрушилась и сгнила; осталось одно кентище ¹⁾).

2) *Какъ два брата лопина убѣжали изъ плѣна.* Въ одинъ изъ своихъ набѣговъ полонили шведы двухъ братьевъ лопарей, связали имъ руки и повели въ свою землю. Надоѣло имъ сторожить лопарей, отпустили ихъ поодаль, и на длинной веревкѣ привязали вѣникъ, чтобы въ случаѣ побѣга удержать за него. Долго шли братья, придумывая, какъ бы освободиться отъ ненавистнаго плѣна. Говорили громко—знаютъ, что не поймутъ ихъ шведы. Попросилъ старшій братъ у младшаго: „ослабь немножко веревки на рукахъ“. Кое-какъ исполнилъ лопинъ просьбу брата, а тотъ въ свою очередь ослабилъ и ему руки, чтобы удобнѣе, было бѣжать.

Притянулъ чуть-чуть старшій братъ веревку съ вѣникомъ, и оба разомъ бросились бѣжать. Бросились къ вѣнику шведы, а тотъ высоко прыгнулъ, рванувшись сразу. Пустились въ погоню. Не догнать шведу быстрого лопина! А пока доставали они свои луки да стрѣлы, братья были уже далеко, и ни одна стрѣла не долетѣла до смѣлыхъ лопарей.

3) *Какъ одинъ шведъ спасъ старика лопина отъ другого шведа.* На Бѣлой губѣ, неподалеку (верст. 10) отъ Юкострова, есть маленькій островокъ (суѣлгычъ)—Телячій. Случилось подойти къ Бѣлой губѣ двумъ шведамъ, а на островѣ жилъ старикъ лопарь съ женой старухой. Видитъ онъ, на томъ берегу стоятъ двое: по Имандрѣ ѣхать надобно, а карбаса нѣтъ. Сѣлъ старикъ въ свой карбасокъ и поѣхалъ къ шведамъ. Жонка не пустила, да не послушалъ ея. Посадилъ онъ шведовъ и повезъ по озеру. Вплоть до Куренги ²⁾ довезъ, а до Куренги съ полсотни верстъ считаютъ.

¹⁾ Лопинъ поставилъ недавно неподалеку отъ бывшей вѣжи свое лѣтнее жилище. Когда рылъ онъ землю для вкопки кольевъ, вырылъ заржавленный ножъ. Этотъ ножъ лопари считаютъ принадлежностью одного изъ членовъ жившей здѣсь семьи. Лопарь обдѣлалъ желѣзо въ черенокъ, и ножъ пошелъ въ употребленіе. Этотъ ножъ я взялъ себѣ на память отъ поселившагося здѣсь лопина Василія Бархатова, который и рассказалъ мнѣ его исторію. Мѣсто называется «городомъ» отъ слова «городить», такъ какъ въ то время мѣсто было огорожено.

²⁾ Губа на оз. Имандрѣ.

Высадилъ на берегъ ихъ, а самъ отплыть хочетъ. Смотритъ: бѣжитъ на него шведъ съ ножомъ, а другой его нагоняетъ. Догналъ и началъ ножъ вырывать. Испугался старикъ и отчалилъ въ „голымель“ (середина озера, водная даль), остановился и смотритъ: что дальше будетъ? Вырвалъ другой шведъ, что сзади бѣжалъ, ножъ у товарища и закололъ его. Зоветь старика: „подъѣзжай, говоритъ, не бойся! Онъ тебя заколотъ хотѣлъ, потому что ты лопинъ¹⁾, а я ему не далъ сдѣлать этого. А за то, что онъ бросился на меня, я убилъ его. Подъѣзжай, возьми его сумку и гребни домой“. Успокоился старикъ, подъѣхалъ, взялъ сумку, поскорѣе наставилъ парусъ, да и повернулъ на Телячій.

4) *Какъ спасались лопари на лыжахъ отъ шведовъ.* Неподалеку отъ Нотозерскаго погоста въ одинокой вѣжѣ жили лопари: отецъ, два сына и „казакъ“. 2) Время было опасное: шведы ходили по всей землѣ лопской, грабя и уводя лопарей. Понадобилось зачѣмъ-то старику въ погостъ ѣхать, и посылаетъ онъ работника узнать, не бродятъ ли у погоста „шиши“? 3) Поѣхалъ казакъ и у самаго погоста попался шведамъ. Ждали, ждали лопари и рѣшили, что казакъ для своей нужды въ погостѣ остался. Надѣли всѣ трое лыжи и повалили по рыхлому снѣгу. Близко подъѣхали къ погосту, не остереглись и попались прямо на глаза шведамъ. Поворотили лыжи, да было уже поздно: замѣтилъ ихъ шведскій „чудьжѣре“⁴⁾. Поймалъ важинку и пустился въ погоню. Дружно скользятъ по снѣгу быстрыя лыжи, но и шведъ не отстаетъ. Молодые ноги братьевъ легко и быстро уносятъ ихъ, но силы старика лопаря все слабѣютъ и слабѣютъ. Ближе и ближе становится къ нему чудьжѣре. Изъ послѣднихъ силъ летитъ старикъ, а на пути не замѣчаетъ высокую сосну. Какъ молнія взлетѣли скользкія лыжи на самую верхушку сосны, и грянулся въ снѣгъ ослабѣвшій лопарь. Подъѣхалъ шведъ, добилъ старика стрѣлой, переодѣлся въ его платье, надѣлъ лыжи и побѣжалъ за братьями. Не замѣтили лопари сгоряча, какъ отсталъ отецъ, и далеко увалили. Обернулся старшій, видитъ нѣтъ отца, сталъ осаживать и брату велѣлъ. Показался вдали переодѣтый шведъ. Младшій говоритъ: „отецъ идетъ“. Старшій не повѣрилъ: не обманулъ его хитрый шведъ. Издали еще пустилъ въ него лопинъ мѣткую стрѣлу прямо въ сердце: не спасла и одежда. А братья сняли съ чудьжѣре одежду отца и повалили домой.

5) *Невѣрная жена.* Въ одномъ изъ уединенныхъ мѣстъ Нотозерской области стояла вѣжа, построенная изъ камня. Жили въ этой вѣжѣ три брата лопаря да жена старшаго изъ нихъ. Сколько разъ ни приходили шведы, ни разу не заходили они въ эти мѣста. Но братья все-таки не отходили далеко отъ своего безопаснаго жилища, только младшій не слушался братниныхъ совѣтовъ и не остерегался. Поѣхалъ онъ

1) Лопари иногда зовутъ себя вмѣсто «лопинъ» — «самленчъ».

2) Такъ называлъ лопарь работника.

3) То же что и „шведы“.

4) Это слово лопари всегда употребляли, когда говорили о шведскомъ богатырѣ.

разъ на охоту и попалъ прямо въ руки шведовъ. Стали тѣ допытывать его, пригрозили смертью и велѣли вести къ вѣжѣ. Привелъ ихъ лопинъ, а братья заперлись въ своемъ каменномъ жилищѣ и оттуда начали пускать мѣткія стрѣлы. Не взяли бы ихъ никогда шведы, если бы не жонка измѣнница. Строго обращался съ ней старшій братъ, и задумала она отомстить ему: у всѣхъ луковъ тетиву перерѣзала, а когда шведы, не зная того, все еще боялись подойти, закричала имъ, что луки испортила. Подбѣжали „шиши“ къ вѣжѣ. Влѣзъ наверхъ ихъ чудьжѣре и опустил въ рукавъ саблю. Схватилъ было старшій за рукавъ и сильно порѣзалъ руку. Выбѣжали лопари и сдались. Повели ихъ шведы къ себѣ. Дорогой просить лопарь жену свою: „развяжи меня“. Обѣщаль за это жить съ ней въ мирѣ и согласіи и вину ея простить. Не согласилась жонка, не развязала узловъ. Одинъ изъ братьевъ въ походѣ умеръ, а другихъ двоихъ увели шведы къ себѣ.

б) *Какъ лопинъ спасъ цѣлый погостъ отъ шведовъ.* Собрались лопари Ловозерскаго погоста въ одномъ изъ скрытыхъ мѣсть. Разбились на кучки и принялись играть въ мячъ. Вдругъ одинъ лопинъ, что на сторожѣ былъ, увидалъ приближавшихся шведовъ. Разбѣжались лопари по кустамъ, а на полявѣ остались два лопаря брата: имъ велѣно было отвести глаза шведамъ. Старшій братъ надѣлъ печокъ въ накидку и брату тоже велѣлъ. Не послушался младшій братъ и не переодѣлъ печка. Подошли шведы ближе, а братья сразу бросились въ ихъ толпу. Схватили шведы за печки и поймали младшаго, а вмѣсто другого лопина въ рукахъ у нихъ одинъ печокъ остался. Бросились шведы въ погоню, но скоро всѣ отстали отъ быстрого лопина, только одинъ чудьжѣре не переставалъ бѣжать. Добѣжалъ лопинъ до рѣки, перепрыгнулъ черезъ рѣку и остановился. Подбѣжалъ чудьжѣре, а прыгнуть не смѣетъ: боится утонуть. Началь лопарь надсмѣхаться надъ его трусостью. Разсердился шведъ и бросилъ въ лопина саблей. А тотъ поймалъ саблю перескочилъ черезъ рѣку назадъ и бросился на чудьжѣре, только не убилъ, а отрѣзалъ языкъ, чтобъ тотъ своимъ ничего сказать не могъ. Бросилъ шведа лопинъ, побѣжалъ и скрылся въ лѣсу. Такъ спасъ лопинъ погостъ отъ разбойниковъ шведовъ.

7) *О холмъ передъ Колой.* Въ одинъ изъ своихъ набѣговъ подошли шведы къ Колѣ. Пришли ночью и расположились у города. Чтобы обезопасить себя отъ вѣтра и нападенія, они положили каждый по камню и по шапкѣ земли, и на ровномъ полѣ образовался большой холмъ ¹⁾.

б) О Сейтлѣ.

1) *Преданіе о томъ, какъ сейтлѣ переселился съ Сейт-суела на Выдозеро.* Жилъ на Сейт-суелѣ ²⁾ (чортовъ островъ) сейтлѣ. Тамъ у него и вѣжа стояла, и амбары, а неподалеку и рога кучей были сло-

¹⁾ См. еще о шведахъ ниже: преданія о сейтлѣ (№ 4) и о чахлыни (№ 2).

²⁾ При быстромъ произношеніи лопари прибавляютъ „гычъ“ — Сейт-суелгычъ.

жены. Островъ этотъ и теперь существуетъ въ Бѣлой губѣ Авер—явер'а (Имандры). Случилось разъ проѣзжать мимо острова въ карбасѣ старику лопарю съ женой. Заболѣлъ у старухи животъ ¹⁾, и что ближе къ острову, то хуже. Понялъ старикъ, кто шалить съ нимъ, и рассердился. Старикъ былъ маленько колдунъ. Присталъ въ острову и давай рубить топоромъ вѣжу, амбары и рога. Испугался сеить и съ той поры переселился въ Хибинскую тундру на Выдозеро, а у Сейт-суел'а стало спокойно. Теперь сеить уже умеръ и на Выдозерѣ живетъ его вдова да дочь замужняя.

2) *Какъ лопинъ отца выручилъ.* Заболѣлъ у лопина отецъ. Думалъ, думалъ лопарь, отчего приключилась болѣзнь, и заснулъ. Видитъ во снѣ онъ Крестную вараку (варака—гора) и догадался, кто взялъ душу отца. Подошелъ онъ къ пахтѣ (скала) и громкимъ голосомъ закричалъ: „знаю тебя, Крестная варака, это ты накликала болѣзнь отцу, ты утащила душу его. Отдай мнѣ ее, не то разломаю всю твою вѣжу и тебя не оставлю!“ „Распахнулись двери каменной вѣжи и вылетѣла оттуда душа отца. Подхватилъ ее лопинъ, а самъ давай Богъ ноги. А сзади голосъ слышался: „Счастье твое, что скоро убрался, а то достался бы и ты мнѣ“. Проснулся лопинъ, а отецъ живъ и здоровъ. „Спасибо, говоритъ, сыновъ; видѣлъ я, гдѣ ты былъ ночью и какъ спасъ душу мою, спасибо!“ Звали сына Яковъ ²⁾.

3) *Ямщикъ колдунъ и сеитъ.* Появленіе сейта на Пул-озерѣ. На Пул-озерѣ (Пул-яверъ ³⁾) стояла одна вѣжа. Жили въ ней старикъ лопинъ съ женой. Умеръ старикъ, похоронила его лопка, а сама спать легла въ вѣжу. Ночью проснулась и слышитъ, что снаружи кто-то ходитъ. Посмотрѣла въ щелку, видитъ: мужъ стоитъ у озера и неводъ мѣряетъ. Испугалась лопка, накурила въ вѣжѣ роснымъ ладаномъ, а дверь приперла. Цѣлую ночь подрывался старикъ подъ вѣжу, а къ утру пропалъ.

Заѣхалъ въ этотъ день къ вдовѣ знакомый ямщикъ-лопарь, лопка и рассказала ему все. А ямщикъ былъ колдунъ. „Погоди, говоритъ, я останусь“. Совѣтовала лопарка оставить ее на волю сеиту, но ямщикъ не послушался и остался. Переложилъ онъ всѣ вещи въ вѣжѣ на одну сторону, другую очистилъ и положилъ въ уголъ рыбы кости. Наступила ночь. Скоро снаружи услышали, какъ старикъ началъ мѣрять неводъ, а черезъ нѣсколько времени отворилась дверь, онъ вошелъ въ вѣжу, легъ на очищенное мѣсто и началъ грызть рыбы кости. Тогда ямщикъ всталъ, взялъ старика за руку и вывелъ вонъ. Долго не приходилъ онъ назадъ,

1) Большею частью, по рассказамъ, первымъ доказательствомъ близости сейта является болѣзнь живота.

2) Рассказываютъ что Мандъ - Яковъ (земляной Яковъ), спасшій отца, будучи стариномъ, умеръ и былъ похороненъ, но, вышедши изъ могилы, пришелъ къ своимъ. Это происшествіе лопари приписываютъ дѣйствию сейта. Не былъ ли это случай летаргій?

3) На нѣкоторыхъ картахъ ошибочно вмѣсто „яверъ“ (озеро) напечатано финское „ярва“.

наконецъ пришелъ и сказалъ, что старикъ больше не вернется. „Посмотри, говоритъ, завтра утромъ на небо“, и уѣхалъ. На другое утро вышла лопка изъ вѣжи, видитъ, несется по небу что-то черное и спустилось гдѣ-то по ту сторону Пул-озера. Съ тѣхъ поръ пересталъ ходить въ вѣжу старикъ, а недалеко отъ Пул-озера въ каменной вѣжѣ (камень съ трещиной на подобіе входа) поселился сейтъ.

4) *Сейтъ на Сейт-озерѣ*. На берегу Сейт-явера и теперь стоитъ каменный сейтъ. На одной ногѣ его одѣта каньга (башмакъ лопарскій), на другой — сапогъ. Пріѣдутъ лопины рыбу ловить — съ лопаты сейту табакъ подносятъ, а жонки по этому берегу и ходить не смѣютъ.

Давно еще, когда „шиши“ ходили, окружили лопари чудьжѣре и сказали ему, чтобы сдался. А когда онъ согласился, велѣли надѣть на одну ногу каньгу (къ знакъ покорности). Надѣлъ шведъ каньгу, а лопари все-таки его убили. Съ тѣхъ поръ онъ сидитъ тамъ, камнемъ едѣлся и сталъ сейтомъ.

5) *Сейтъ и промышляникъ*. Не было удачи лопину промышлянику. Поставитъ ловушку, не попадетъ звѣрь. Оленей встрѣчалъ мало, а убивалъ и совсѣмъ мало. А что убьетъ, мясо спрячетъ — утащитъ медвѣдь (побончъ) или росомаха. „Хоть бы сейтъ мнѣ помогъ“, сказалъ разъ неудачливый лопинъ, а сейтъ услышалъ это и явился ему помогать. Пищу да утварь изъ сосѣднихъ погостовъ долженъ былъ доставать промышляникъ, такъ какъ попадать въ нихъ сейтъ не могъ, а за это онъ долженъ былъ помогать лопину и добычу дѣлить пополамъ. Съ того времени и охота пошла удачно. Лопинъ и сейтъ крѣпко держали свое слово. Набьютъ звѣрей — шкуры подѣлятъ поровну, и каждый въ свое мѣсто кладетъ. Лопинъ каждую шкуру съ благословеніемъ клалъ въ одинъ уголь „пырта“ (избы), а сейтъ — въ другой. Такъ промышляли они три года. Тяжело стало лопину съ сейтомъ жить и началъ раздѣлу просить, а сейтъ согласья не даетъ: до конца жизни вмѣстѣ съ лопиномъ „урдовать“ (промышлять) хочетъ. Думалъ, думалъ лопарь, какъ бы отъ сейта избавиться, и надумалъ. Спрашиваетъ онъ потихоньку у сейта, чего тотъ пуще всего на свѣтѣ боится, а тотъ говоритъ: „пуще всего боюсь я змѣи, и гдѣ увижу ее, тамъ жить не буду“.

Вотъ и взялъ лопинъ сырую березовую чурку и бросилъ въ огонь, а она зашипѣла и засвистѣла отъ жару. „Что это?“ спрашиваетъ сейтъ: „посмотри, тебѣ ближе“, говоритъ. А хитрый лопинъ посмотрѣлъ въ огонь да и говоритъ: „ужъ не змѣя ли?“ А самъ, какъ будто испугался, закричалъ: „и въ правду змѣя!“ Вскочилъ сейтъ съ крикомъ, да какъ закричитъ: „наше къ намъ!“ и скрылся. Шкуры, что сейтъ собиралъ, всѣ съ мѣста сорвались и за сейтомъ улетѣли, а тѣ, что въ другомъ углу лежали, остались на мѣстѣ: благословеніе удержало. Такъ и разстались сейтъ съ промышляникомъ.

6) *Мужъ-сейтъ*. — Умеръ у лопарки мужъ. Затосковала она и не знаетъ, куда дѣться. Пошла въ лѣсъ, а на встрѣчу ей идетъ умершій мужъ. Это сейтъ превратился въ него. Обрадовалась лопка и пошла съ мужемъ

въ его лѣсную избу. Долго жили они вмѣстѣ. Родились у нихъ два сына. Разъ утромъ велить вдругъ мужъ крѣпко-на-крѣпко связать его веревкой и сказалъ, кто онъ такой. Испугалась жонка, связала сейта веревкой, а сама съ дѣтьми за печку забила. Умеръ днемъ сеитъ и лежитъ, не движется. Пришелъ вечеръ, и мужъ зашевелился, открылъ глаза и встать хочетъ. „Развяжи“, говоритъ, „не то плохо будетъ“. А лопка еще крѣпче къ печкѣ съ дѣтьми прижалась. Всталъ сеитъ, кой-какъ подошелъ къ печкѣ и жену зубами достать хочетъ, да не можетъ. А лопка молиться начала: „выручи, Никола угодникъ!“ Скрипнула дверь, и пуще испугалась жонка: „другой, думаетъ, сеитъ идетъ, смерть пришла!“ и пуще Николаю угоднику молится. Отворилась дверь, вошелъ „кто-то“, взялъ лопарку за руку и вывелъ вонъ изъ избу, а одного сына въ избѣ оставить велѣлъ. Не хотѣла было оставлять сына, да пригрозилъ ей „тотъ“, что оставить ее съ сеитомъ. „Не твой, говоритъ, тотъ ребенокъ, а сейта. Смотри назадъ“. Обернулась лопка и видитъ: изба вся въ огнѣ. Вывелъ „онъ“ ее на дорогу къ погосту и исчезъ. Онъ то и былъ самъ Никола. А лопка съ тѣхъ поръ перестала тосковать по мужѣ.

в) О чахлынь.

1) Пошелъ разъ Нотозерскій промышляникъ вдоль по Туломѣ. Видитъ, неподалеку играютъ „чахлынь“. Маленькіе они—прыгаютъ, кувыркаются, и что одинъ дѣлаетъ, то и всѣ. Снялъ лопинъ каньгу и бросилъ къ нимъ. Поймалъ ее одинъ чахлынь и обѣ ноги всунулъ и давай оборомъ ¹⁾ закручивать. А догадливый лопинъ оборъ привязалъ длинный. Завертѣлся въ оборѣ до головы чахлынь, а промышляникъ и поймалъ его и принесъ къ себѣ въ вѣжу. Другіе чахлыны выкупъ лопину за „товаришша“ принесли ²⁾.

2) У старика и старухи жилъ одинъ чахлынь. Любили и ласкали его лопари, какъ сына. Пришли къ погосту шведы. А чахлынь былъ веселый да быстрый бѣгалъ вокругъ погоста и замѣтилъ „шишей“. Прибѣжалъ къ своимъ и говоритъ, что шведы пришли, а тѣ не повѣрили. А потомъ уже поздно было. Бросились шведы на лопарей и много народу перебили, а чахлына убить не могли. Защищаетъ онъ своихъ стариковъ „порато“ (очень). Ударить его шведъ саблей, а тотъ пуще прежняго защищаетъ лопарей. Ударить другой, а чахлыну ничего не дѣлается. Такъ и бросили шведы погостъ и старика лопина съ жонкой оставили въ покоѣ.

¹⁾ Оборъ—длинная лента, которой закручиваютъ ноги, когда надѣвается каньга

²⁾ Изъ неяснаго разсказа я все таки могъ догадываться, что „передразниваніе“ было свойствомъ „чахлынь“, такъ какъ, сколько помнится, лопинъ для того, чтобы успѣшнѣе поймать карлика, самъ разулъ каньгу и началъ ее окручивать оборомъ. Чахлынь, передразнивая его, и попался.

2. Сказки ¹⁾.

1) *Котъ*. Прослышали звѣри, что появился новый, очень опасный звѣрь—котъ. Услышали, что идетъ онъ, и настлали по дорогѣ хвой. А шелъ котъ на свадьбу. Идетъ онъ и кричитъ: „мяу, мяу“. А лиса сказала: это онъ говоритъ: «мало, мало», и велѣла еще больше хвой подкладывать. Захотѣли посмотрѣть страшнаго звѣря волкъ да медвѣдь. Высунулъ волкъ изъ кустовъ кончикъ морды, а котъ думалъ, что мышъ, и кинулся. Испугался волкъ и убѣжалъ, а медвѣдь и котъ тоже отъ страха на деревья взлѣзли ²⁾.

2) *Медвѣдь и лиса*. Захотѣлъ медвѣдь имѣть спину жолны (дятель) и пошелъ къ лисѣ за совѣтомъ. „Много, много работы надо“, говоритъ лиса: „нужно смоля доставать, «вичи» (веревка) вить, да тебя, медвѣдь, къ соснѣ крѣпко привязать и на смольѣ подогрѣвать“. Согласился медвѣдь на все, только бы спину жолны имѣть. Натаскалъ онъ смолья, навилъ «вичи» и велѣлъ лисѣ себя къ соснѣ привязать. Привязала его лиса крѣпко-на-крѣпко къ высокой соснѣ, а внизу разложила смольѣ и огонь развела. Обгорѣла шкура на медвѣдѣ, и началъ огонь мясо жечь. „Больно, лиса!“ кричитъ медвѣдь. „Ну, если больно, никогда не имѣть тебѣ спины жолны“. Смолчалъ медвѣдь, терпять: хочетъ онъ порато (очень) имѣть спину жолны. „Больно, лиса!“ кричитъ опять, не вытерпѣлъ: сильно пригорѣло мясо.—„Что это за больно, говоритъ лиса, то ли еще будетъ! Если это больно, не имѣть тебѣ жолниной спины“. Ничего уже сказать не могъ больше медвѣдь: такъ на кострѣ и духъ пустилъ. Такъ и не получилъ онъ спины жолны.

3) *Лопарь и лиса* ³⁾.—Зачала лиса къ лопину въ амбаръ лазить, рыбу таскать. Пришелъ разъ лопиень въ амбаръ, а лиса тутъ и лежитъ, какъ мертвая. Взялъ ее лопиень и бросилъ въ керѣжу съ рыбой: думалъ,дохлая. А лиса всю рыбу изъ керѣжи повыкидала дорогой и съѣла. Приѣхалъ лопиень домой, видитъ, нѣтъ рыбы. Взялъ онъ собакъ и пустился въ погоню за лисой. А лиса въ норѣ уже сидитъ и сама съ собой говоритъ. „Что, уши, вы дѣлали?“—„Мы слушали, не идетъ ли лопиень, не лаютъ ли собаки“.—„Что, глаза, вы дѣлали?“—„Смотрѣли, нѣтъ ли близко лопина“.—„Что, ноги, вы дѣлали?“—„Уносили тебя отъ враговъ твоихъ“.—„Что ты, хвостъ, дѣлалъ?“—„Мѣшалъ тебѣ бѣжать“.—„Вотъ какой ты товарищъ“, говоритъ лиса и выставила хвостъ собакамъ. А тѣ вытащили лису за хвостъ и разорвали.

4) *Сказка о дикомъ оленѣ* ⁴⁾. Надоѣло жить оленю вдовцу безъ жены, вздумалъ онъ жениться на женщиѣ. Превратился въ молодого лопина и пошелъ свататься къ одному лопарю, у котораго было три

1) Запис. на оз. Имандрѣ.

2) Эта сказка существуетъ и среди русскихъ сказокъ и, сколько помнится, иллюстрирована въ одномъ изъ изданій, именно на этомъ мѣстѣ общаго испуга.

3) Эта сказка, помнится, напоминаетъ русскую.

4) По отрывочному разсказу „запаматовавшаго“ лопаря.

дочери. Посваталъ старшую и повелъ лѣсомъ въ свою вѣжу. Самъ забѣжалъ впередъ и раньше жены пришелъ въ вѣжу. Идетъ лопарка одна по той дорогѣ, что мужъ повелъ. Перегородила ей дорогу рѣка кровавая, по рѣкѣ олени легкія плывутъ. Превратилась она въ выдру и переплыла рѣку. А на другомъ берегу ужъ дожидаются ея олени дѣти, ласкаться къ ней стали. А лопка разсердилась на нихъ и прогнала вѣткой. Пришла она въ вѣжу и узнала, кто былъ ея мужъ. Не захотѣла она повиноваться ему. Олень велитъ каждый день шкуры постельныя перебирать, а если ребенокъ родится, смотрѣть за нимъ, чтобы не замочилъ чего въ вѣжѣ: человѣческимъ духомъ чтобы не пахло. Не слушаетъ лопка приказаній мужа: не перебираетъ шкуръ, плохо въ домѣ править, а оленихъ дѣтей колотить зачала. Разсердился олень и убилъ рогами жену. Пошелъ къ лопину другую дочь сватать. Отдалъ за него старикъ и вторую дочь, спросилъ только, что дорогій зять не заходитъ къ нему въ гости? А женихъ отвѣтилъ, что будетъ скоро, и увелъ къ себѣ вторую жену. Съ этой то же было. Убилъ и эту сердитый олень. Перевернулся лопиномъ и пошелъ послѣднюю дочь сватать. Удивился старикъ, но отдалъ за него и послѣднюю дочь. „Что это, говорить, въ гости съ жонкой не заходишь?“ „Прійду скоро“, сказалъ зять и увелъ жену. Забѣжалъ впередъ и пришелъ въ вѣжу первый. Идетъ лопка и встрѣчаетъ рѣку кровавую, по ней олени легкія плывутъ. Стала молить она пѣсней, чтобы рѣчка дорогу ей уступила. Долго пѣла она, а рѣчка стала все мельче и мельче и совсѣмъ пересохла. Перешла лопарка по дну и вышла на другой берегъ, а ее ужъ дѣтки олени дожидаютъ, ласкаться бѣгутъ. Приласкала ихъ она, по шерсти погладила, а въ рога цвѣтовъ вилела. Побѣжали оленята въ вѣжу и мачеху отцу хвалятъ. Пришла лопка, а олень ей наказъ даетъ, что первымъ женамъ давалъ. Стала слушаться лопка мужа и угождать ему. Дѣтей оленятъ ласкала, за вѣжей присматривала, постель перетряхивала. Долго жили они въ мирѣ и согласіи. Родился у нихъ ребенокъ олень. Говоритъ лопкѣ олень, чтобы пуще прежняго смотрѣть за ребенкомъ. „Досматривай, чтобы ребенокъ постель не пачкалъ“. Не доглядѣла разъ лопка, а ребенокъ всю шкуру вымочилъ. Пришелъ олень, услыхалъ духъ человѣческой и бросился вонъ изъ вѣжи, а за нимъ и оленята. Одинъ только остался, что на колѣняхъ у матери сидѣлъ, да и тотъ въ лѣсъ за отцомъ рвется. Видитъ лопка, что не удержатъ ей олененка, и стала она ему совѣтъ давать: „пуще всего, говорить, бойся человѣка и сосны да камня. За ними можетъ скорониться хитрый лопинъ и убьетъ тебя. Береги себя всегда. Но, если ужъ попадешь на настоящаго „промышляника“, не перехитрить тебѣ его. Тогда выходи и подставь сердце, чтобы онъ рогомъ убилъ тебя“. Сказала это лопка и выпустила олененка.

5) *Сказка о Крокрокровичѣ-Версерновичѣ* ¹⁾. Въ сказкѣ этой

¹⁾ Эту сказку я записалъ со словъ ямщика мальчика. Привожу ее вкратцѣ, такъ какъ она была рассказана неопытнымъ юнымъ рассказчикомъ и въ подробностяхъ не представляетъ особеннаго интереса.

говорится, какъ у трехъ братьевъ, Федора, Митрія и Еввана (Иванъ), злой Крокрововичъ-Верверновичъ унесъ мать, какъ поиски двухъ первыхъ братьевъ не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ они плохо обошлись со встрѣченнымъ Желѣзнымъ-хвостомъ—Мѣднымъ-лбомъ, и какъ послѣдній братъ Евванъ, раздѣлившій съ Желѣзнымъ-хвостомъ—Мѣднымъ-лбомъ послѣднюю „рѣзку“ (лепешка), пользовался услугами послѣдняго и отыскалъ мать при помощи „летячаго корабля“. Нашедши мать, Евванъ долженъ былъ выкупать ее, отыскавъ напередъ Серебряную птицу (не синонимъ ли это Жарь-птицы?), Коня и Дѣвицу-красавицу. Все это, благодаря помощи Желѣзнаго-хвоста—Мѣднаго-лба, было имъ исполнено, и когда Крокрововичъ-Верверновичъ все еще не соглашался отдать мать, онъ убилъ похитителя и вернулся съ матерью домой.

3. Пѣсни ¹⁾.

1. Жилъ холостой парень Иванъ. Пошелъ онъ въ лѣсъ урдовать (промышлять). Взялъ ирваса, связалъ ташку (вьюкъ), повѣсилъ на рога пицаль (ружье) и отправился на Волчью тундру. Убилъ двухъ оленей, растянулъ шалашъ и заночевалъ. Огня пустилъ порато (очень). Дымъ заѣлъ глаза, и онъ заплакалъ, заплакалъ о своей подружкѣ. „Если бы, говорить, вечеръ былъ, ночь всю не спалъ бы я; если бы утро было, весь день глазъ съ нея не спускалъ бы. Всталъ онъ, взошелъ на „Бабій-носъ“ (можетъ быть, Пойль-нѣркъ). „Вонъ тамъ Имандра, тамъ живутъ отецъ и мать, а вонъ тамъ Колозеро“. Пошелъ онъ вдоль озера и пришелъ на Масельгу. Вѣтеръ былъ «западъ», а ему надо на Чапнаволокъ попадать (т. е. переѣхать Колозеро). Оба весла сломалъ дорогой, а приѣхалъ. „Здорово, Настасья!“—„Здорово, Ивансель!“—„Пойдемъ оленей (убитыхъ) смотрѣть“. Пошли. Въ лѣсу встрѣтили они другого лопина, что къ Настасьѣ ходилъ. Бросилъ ее за это Ивансель и пересталъ любить.

¹⁾ Запис. на оз. Имандрѣ. Первая пѣсня представлена здѣсь въ вольномъ переводѣ лопаря, но мнѣ удалось, подъ его неторопливую диктовку, записать и подлинный ея текстъ, который здѣсь прилагаю, оговорившись, что, не зная языка, я старался, по возможности, раздѣлить, по крайней мѣрѣ, текстъ на отдѣльные слова и провѣрить ударенія, которыя большею частью приходятся на предпослѣднемъ слогѣ, и потому я отмѣчаю здѣсь только отступленія отъ этого правила. Вотъ эта пѣсня:

„Вульке уатесарве уке контицъ кори пыш чарва ламч уалка те Ивансель пойлъ-нѣрк митридадескара намтесахтне уенчиллет конти нуркопт устильтате колкетъ екис вейкен ози лаубен каувос тервис соу чельметъ каук кынякѣуке уерпен беръ шалшмен ѣкъ на мѣщице ей бай уетте муе айхнюн чор куѣст Авер-явер ач ень валкуест Куль-явер акен лайт вар куенча ями киндел пуатеч уариел пинч векке вынес сбудаи іариѣ мурте Чап-нѣрк тирпаст нѣйкверс нейд тирвелли монстен еллак Чап-нѣрк милъд пудзе киче пѣй баі кауныч нюми олмычны шабашет муи ать лѣвидамъ емъ альнь тор шабашет“. Я помню значеніе лишь нѣкоторыхъ словъ: Ивансель—Иванъ, нѣркъ—наволока (мышь), каувос, кувокс—шалашъ, Авер-явер—Имандра-озеро, Куль-явер—Колозеро, Чапнѣрк—Чапнаволокъ, нейд—дѣвушка, пудзе—стадо.

2. Ты ли Катерина, я ли Катерина.

Ты ли Катерина Яковлевна, я ли Катерина Кузьминишна ¹⁾.

У тебя ли стадо оленей, у меня ли стадо оленей.

У тебя ли деньги, у меня ли деньги.

У тебя ли бумажникъ, у меня ли бумажникъ.

Ты сошьешь чапорный пechoкъ ²⁾, я сошью чапорный пechoкъ.

Ты сошьешь бѣлые яры ³⁾, я сошью бѣлые яры.

Ты сошьешь бѣлыя рукавицы ⁴⁾, я сошью бѣлыя рукавицы.

О тебѣ ли (идеть) слава, обо мнѣ (идеть) слава ⁵⁾.

А. Ященко.

1) Иногда вмѣсто Кусменит—Кузьминишна употребляется Семонит—Семеновна.

2) Чепр пѣцк—чапорный пechoкъ, одежда изъ молодыхъ оленей.

3) Яры—бѣлые сапоги изъ шкуры оленя (зимніе).

4) Кэста—зимнія бѣлыя рукавицы изъ шкуры оленя; койбиницы—лѣтнія вязанныя рукавицы.

5) Это дословный переводъ, а вотъ подлинникъ:

Тон ла(м) Кáтрин, лгун ла (м) Кáтрин.

Тон ла Кáтрин Юбанит, мун ла Кáтрин Кусменит.

Тон *ли* пудзе чуец, мун *ли* пудзе чуец.

Тонст ли *тени*, мунст ли тенги.

Тонст ли *бумажник*, мунст ли бумажник.

Тон куарек чепр пѣцк, мун куарек чепр пѣцк.

Тон куарек вилькис іеры, мун куарек вилькис іеры.

Тон куарек вилькис кэста, мун куарек вилькис кэста.

Тонст ли *слауа*, мун ли слауа.

Нѣкоторые слова, очевидно, русскаго происхожденія. Г. Харузинъ (стр. 393) приводитъ только начало этой пѣсни. Упомянувъ о ней, авторъ замѣчаетъ о «чистосердечномъ смѣхѣ самихъ лопарей надъ пѣснью». Съ своей стороны я замѣтилъ, что этотъ смѣхъ далеко не имѣетъ предметомъ самую пѣснь, а всецѣло относится къ ея содержанию. Игнорировать такой пѣснью мнѣ кажется неосновательнымъ, потому что смыслъ ея сатирической (въ ней осмѣливается соперничество во франтовствѣ и хвастовствѣ молодыхъ, красивыхъ лопарокъ), что весьма и весьма характерно.